

Дружеская беседа отца и сына должна была сблизить их... хотя бы на время.

Хуберт изо всех сил подавлял зудящее желание высечь сына — впрочем, тот был слишком силен, так что в драке отцу ловить было нечего.

— Мы с твоей матерью хотим вписать Гуйяня в нашу семейную карту, — понизив голос, заговорил Хуберт.

— Его прежнюю регистрацию аннулировали? — спокойно уточнил Ся Чжи.

Во время переговоров с отцом Цзян Гуйяня тот старик упирался до последнего: либо парень отдаст сердце, либо его лишат всех гражданских прав и сгноят заживо. Ся Чжи искренне не понимал, как отец может так поступать с собственным ребенком. Ведь речь шла о живом человеке.

— Да, наконец-то выписали, — Хуберт вздохнул. Его чувства к Цзян Гуйяню оставались смешанными. Этот некогда великий клан сгнил до самого основания, но его члены всё еще цеплялись за остатки былой роскоши и высокомерия.

— Почему бы не записать его на меня? — задумался Ся Чжи.

Стать старшим братом для своего ученика — вполне рабочий вариант. В конце концов, когда Норису пришлось выйти из королевской семьи ради любви, его тоже временно приписали к чете Кэйт.

— Новые законы Империи, — весомо ответил Хуберт. — Холостякам запрещено заводить независимую семейную карту.

«Государство, которое так ущемляет права одиночек, начинает меня откровенно раздражать»

Ся Чжи оставалось лишь смириться со своей участью.

— Кстати, — вспомнил Хуберт. — Меня тут засыпает сообщениями этот... Монасон.

— Кто это? — удивился Ся Чжи.

— Бывший муж Нориса, — Хуберт недоуменно нахмурился. Сын ведь сам когда-то заявлял, что при первой же встрече переломает этому негодяю все кости.

— Разве его зовут не Мориссон?

— Он никогда не менял имя.

—...

Ся Чжи прикусил язык. Он быстро открыл терминал связи и отправил короткое сообщение Шеллейр:

«Как зовут бывшего мужа Нориса?»

«Монасон Джойс».

«Точно не Мориссон?»

«Абсолютно. Только вы, учитель, упорно называете его Мориссоном».

Ся Чжи заблокировал экран и невозмутимо убрал устройство, будто ничего не произошло.

— Снова перепутал имя? — Хуберт вздохнул. Он слишком хорошо знал своего сына. Тот с детства страдал этой странной забывчивостью.

— Бывает, — не моргнув и глазом, согласился Ся Чжи. — Но когда я называл его Мориссоном, он всегда отзывался.

— Наверное, решил, что так солиднее звучит, — отмахнулся Хуберт, а затем посерьезнел: — Ладно. Ся Чжи, когда ты собираешься восстановить свою настоящую личность?

— Старик действительно признал Ся Цзо своим внуком? — прищурился Ся Чжи, вспомнив слова Нориса.

Хуберт пустился в объяснения:

— Пять лет назад, когда сменился маршал, Ся Цзо официально вошел в наш семейный реестр.

— Получается, он теперь тоже мой брат? — Ся Чжи почувствовал, как голова идет кругом. Из пяти его учеников трое внезапно превратились в братьев. Это было уже слишком.

Хуберт замялся, но все же договорил:

— Не совсем. Его вписали... как твоего супруга.

Ся Чжи замер на месте:

— Что?

— Дед сокрушался, что ты ушел из жизни, так и не оставив ему невестки. Сказал, что пустая графа в семейном древе выглядит убого, — припомнил Хуберт те дни. — А Ся Цзо вызвался эту графу заполнить.

Ся Чжи молитвенно сложил ладони, предчувствуя неладное:

— И дед согласился?

— А ты как думаешь? — усмехнулся отец.

— Главное, чтобы старику было в радость, — Ся Чжи взял чашку и сделал глубокий глоток чая, пытаясь унять дрожь.

«Слишком резкая смена ролей, к такому меня жизнь не готовила»

Стоило вернуться к жизни, как любимый ученик превратился в законного супруга. И почему только Ся Цзо промолчал об этом при их последней встрече?

— С политической точки зрения это был лучший выход, — уже серьезно добавил Хуберт. Союз двух великих кланов позволил удержать за Ся Цзо пост маршала в те смутные времена.

— Понимаю, — Ся Чжи хитро прищурился. — Получается, я официально занят. Значит, докучать мне женитьбой вы больше не станете.

Хуберт почувствовал, как у него снова чешутся кулаки. Этот несносный мальчишка! В народе — грозный и холодный маршал, а наедине с отцом — всё тот же невозможный сорванец.

— Иди уже к своим новым подопечным, — беззлобно проворчал Хуберт, выставя сына за дверь. — Ты ведь собирался вести их обратно на Имперскую звезду? Вот и занимайся делом.

— Уже ухожу.

Подпольный черный рынок делился на две зоны. Первая — шумная, пестрая ярмарка прямо у входа, где ютились лавочники и искатели легкой наживы. Вторая же скрывалась за массивными кованными воротами. Там, уходя в бесконечную высь, возвышалась Черная башня.

Никто не знал, сколько веков это грандиозное сооружение простояло на заброшенной планете. Даже Цзян Гуйянь, который приспособил башню под свои нужды, не ведал её истинной истории. Ярусы громоздились друг на друга, теряясь в вышине.

[Доступно для эксплуатации ярусов: 1702]

Раздался бесстрастный металлический голос. Круглый парящий робот уставился на стоявшего перед ним юношу тусклым объективом.

Блэйз лениво ткнул пальцем в парящий металлический шар.

— Снаружи она как-то не выглядит такой уж огромной.

— На данный момент полезная площадь башни используется лишь на тридцать один и семь десятых процента, — Шеллейр протянул Блэйзу рожок с мороженым.

Юноша принял лакомство, но по-прежнему смотрел в зияющую вверх темноту. Ему казалось, будто оттуда, из бездонной вышины, за ними кто-то пристально наблюдает.

Они стояли на северной смотровой площадке четвертого яруса — одной из четырех прозрачных террас, парящих в воздухе.

Стоило поднять голову, как он увидел бесконечные этажи, уходящие во тьму бездны. Башня словно жила своей, скрытой от чужих глаз жизнью.

— Как думаешь, что там, на самом верху? — любопытствовал Блэйз.

Шеллейр устремил взор к недостигаемому потолку.

— Кто знает.

Там царила лишь безмолвная, вечная ночь, в которой никогда не зажигались звезды.

На противоположной, южной стороне террасы звучали те же вопросы.

— Там скрывается совершенно иной мир, — уверенно произнес юноша с черными волосами и золотыми глазами.

Линь Хаодан недоуменно изогнул бровь:

— С чего ты взял?

Хеберт всматривался в непроглядный мрак. Сквозь темноту проступали едва заметные глазу нити чистейшей магии. Эта бездна дышала силой настолько колоссальной, что пространство вокруг нее искажалось и шло рябью, а в ушах стоял едва слышный перезвон серебряных колокольчиков.

— Это новый, еще не изведанный мир, — добавил Повелитель демонов.

Опасный, манящий и непостижимый.

— Возможно, ты прав, — согласился Линь Хаодан.

Они замолчали. Спустя мгновение перед ними с тихим жужжанием опустился механический сферический дрон, отливающий иссиня-черным глянцем.

Из динамика донесся электронный скрежет:

[Анализ параметров завершен]

[Просьба заказчикам индивидуальных меха вернуться в салон]

Мастерская по индивидуальной сборке меха располагалась в самом сердце четвертого яруса. От нее во все четыре стороны расходились широкие галереи, вдоль которых тянулись пока еще пустующие темные торговые павильоны.

Ся Чжи неторопливо шел по одному из этих коридоров. Стены мастерской были выполнены из цветного сверхпрочного стекла; сквозь них можно было разглядеть идеальные контуры боевых машин, собранных лучшими мастерами.

Когда он приближался к широким дверям, стеклянные створки бесшумно разъехались в стороны, а под ноги легла дорожка теплого янтарного света.

— Добро пожаловать в магазин мехов Черного рынка. Какая услуга вас интересует? — перед ним завис круглый дрон-помощник.

— Где мои студенты? — прямо спросил Ся Чжи.

— Секунду, — робот быстро просканировал вошедшего и развернулся, указывая путь неоновой стрелкой. — Пожалуйста, следуйте за мной.

Ся Чжи петлял за парящей жестянкой по лабиринтам выставочного зала, пока они не остановились перед тяжелой черной портьерой.

Дрон высветил лазерную указку на плотную ткань:

— Они там.

— Благодарю, — вежливо кивнул Ся Чжи.

Он уверенно отодвинул занавес. За ним обнаружилась массивная бронированная дверь из тусклого металла. Надавив на нее плечом, маршал легко толкнул створку внутрь.

На него хлынул оглушительный шквал звуков: пьяные крики, яростная ругань, безумный хохот и свист. Воздух в помещении был тяжелым, пропитанным дешевым табаком, перегаром и резким, ни с чем не сравнимым запахом свежей крови.

Ся Чжи окинул взглядом огромный зал, до отказа забитый игорными столами и автоматами. Вокруг них бесновалась толпа, ведомая самыми грязными, первобытными желаниями. Горы золотых монет и пачки банкнот переходили из рук в руки прямо у него на глазах.

И в этот момент из глубины зала донесся яростный рев:

— Щенок, ты напросился!

<http://bllate.org/book/18413/1864905>